

Взаимоотношение русских народных сказок и героического эпоса (на материале собственных имен)

В конце XX века ученые начали выделять два направления исследований в области ономастики художественного текста: ономастика художественной литературы и фольклорная ономастика.

Как утверждает Н. С. Колесник, имена в литературно-художественном тексте можно исследовать в творчестве определенного автора или группы авторов, объединенных временным отрезком, а фольклорная ономастика исследует собственные имена в определенном жанре [4, с.12].

Только уяснив специфические черты устного народного творчества, частью которого является фольклорная сказка, можно понять ее своеобразие. Сказка занимает особое место в системе фольклорных жанров, являясь словесно-драматическим видом образно-поэтической структуры, объединяющим несколько жанров, типовой идейно-структурной моделью, способной воспроизвести любую жизненную установку. Поэтому, в первую очередь, следует определить специфику онимов в народно-сказочном тексте в отличие от других фольклорных жанров, а именно от прозаических форм эпоса (былин и исторических песен).

Взаимоотношение былины и сказки интересовало многих ученых, однако вопросы жанра для них не имели особой актуальности. Так, у Ф. И. Буслаева, теоретика эпоса, нет сомнений в том, что сказка произошла от былины [2, с.310]. На диаметрально противоположной точке зрения стоял теоретик сказки А. Н. Афанасьев. Для него первична не былина, а именно сказка. По его мнению, сказка – древнейший миф, и от сказки пошли уже и былина, и легенда. Таким образом, утверждается субстанциональное единство сказки и былины: они разные ступени исторического развития мифов.

Скорее всего, сказка и былина произошли от одного первоисточника – мифа, однако каждый жанр эволюционировал по-своему, при этом сохранилась генетическая зависимость жанров в «использовании мифов первобытных народов» [6, с.117]. При такой родственной взаимосвязи сказки и былины используют одинаковый материал: сюжеты, мотивы, в том числе имена. Хотя в отдельных случаях можно говорить о том, что сказка произошла от былины. Например, сказки об Илье и Соловье-разбойнике [1], сказка о Василии Буслаевиче [1] и др. Но это частный случай заимствования сюжета (в том числе и ономастического пространства) из репертуара героического эпоса, который нельзя считать законом происхождения сказки от былин [6, с.117].

Поэтический замысел былин требовал не конкретной исторической достоверности, детализации фактов и эпизодов, а широких обобщений. Поэтому собственные имена русского эпоса не применимы к одному персонажу, так как создатели былин имели в виду не только индивидуальные черты, метко очерченные именем, но и типичное содержание подобных характеров [5, с.8].

Так Т. Н. Кондратьева выделяет следующие типы «единичных» понятий эпоса: образы действительно существующих исторических лиц, исторические имена (*Владимир-князь, Кончак, Мамай* и др.); образы исторических личностей (*Ставр, Алеша Попович*); образы мифологических героев (*Микула Селянович*) [5, с.11].

Собственные имена, четко соотносимые со временем и историей, широко представлены в исторических песнях и былинах. Так, среди собственных имен «единичных» понятий выделяются общеизвестные имена (*Петр I, Иван Грозный* и т.п.) и имена, известность которых ограничена пределами определенной сферы общественной жизни или территории. Имена же отдельных личностей позабыты эпосом или приняли новую этимологизированную форму [5, с.11]. Становясь элементом художественной формы произведения, собственные имена реализует семантико-

экспрессивные свойства, всесторонне раскрывая свои потенциальные возможности.

При анализе русского эпоса Т. Н. Кондратьева обращает внимание на роль исторических имен в структуре текста и выделяет следующие их функции: 1) номинативность – как основное свойство собственного имени с развитием метонимического переноса; 2) использование собственных имен в качестве метафоры и сравнения; 3) исторические собственные имена в местоименной роли (когда «единичные» понятия собственных имен исторических личностей подразумеваются) [5, с.11].

Собственные имена в русском эпосе характеризуются не только своеобразием выполняемых функций, но и особыми структурными типами, а в ряде случаев – особой семантикой.

Изучение структурных особенностей именований русского эпоса позволяет выделить следующие модели:

1. Одночленные: личное имя (*Святогор, Колыван, Самсон, Любава* и др.); прозвище (*Идолище, Шкурлак* и т.д.).

2. Двучленные: имя + отчество (*Дюк Степанович, Анофрей Степанович, Добрыня Никитич*); имя + прозвище (*Илья Муромец, Михайло Потык, Микула Селянинович, Данила Ловчанин*); повтор корневой основы (*Бутеян Бутеянович, Волот Волотович* и т.п.).

Таким образом, эпическое собственное имя – своего рода сокровищница исторических фактов, былины фиксируют различные способы именования героев.

Собственные имена эпоса – художественное средство, сложившееся в результате развития языковой категории, отразившей эпоху использования характеризующих наименований [5, с.153]. С именами собственными связано представление об известном деянии, о черте характера, хорошей или плохой, благодаря чему «эпические имена превратились в устойчивый арсенал “крылатых” слов» [5, с.159].

Сопоставление происхождения, структуры и функций наименований

персонажей в былинах, помимо установления сходных, взаимопроникающих ономастических компонентов и моделей, позволяет выявить их отличие от онимного пространства сказок.

Для русского эпоса характерна историчность, достоверность фактов и собственных имен, употребление же имен исторических лиц представлено в единичных сказках (например, в сказке А. Н. Афанасьева «Горшеня» одним из главных героев выступает *государь Иван Васильевич*).

При сходстве состава и структуры именований героев былин и сказок для героического эпоса в большей степени характерно использование имени и отчества (*Добрыня Никитич*), имени и прозвища (*Микула Селянович*), а для сказок – имени с приложением (*Василий-царевич*, *Усыня-богатырь*, и т. п.) и атрибутивных словосочетаний (*Марко Счастливый*, *Василиса Премудрая*).

Сказка – вымысел. Она соотносима с жизненной правдой (как и былины, что подтверждает их генетическую связь), но воспроизведение реальности в ней не прямое, не зеркально точное, а соединенное со свободной игрой воображения. Сказочники нарушают правдоподобие, не отходя от жизненной правды, и в этом заключается специфика сказки.

Литература:

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1985.
2. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – СПб, 1861.
3. Былины / [сост. В. И. Калугин]. – М. : Современник, 1986. – 559 с.
4. Колесник Н. С. Особові імена в українських обрядових піснях: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. С. Колесник. – Тернопіль, 1998. – 22 с.
5. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе : [монография] / Т. Н. Кондратьева. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1967. – 248 с.
6. Пропп В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – Л. : ЛГУ, 1984. – 336 с.